

УДК 821.161.1-343.4 : 398

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОСТИ В СКАЗКАХ ЕКАТЕРИНЫ II ДЛЯ ДЕТЕЙ

О. С. Карандашова

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

Российская императрица Екатерина II, как известно, была еще и писательницей. Ее перу принадлежат пьесы, статьи, сказки, мемуары, работы по истории и лингвистике. В статье рассматривается соотношение фольклорных традиций и черт литературности, воплотившихся в «Сказке о царевиче Хлоре» и «Сказке о царевиче Февее» как первых в истории русской литературы авторских сказках.

Ключевые слова: *русская литература XVIII века, Екатерина II, литературная сказка, произведение для детей, фольклорные традиции, черты литературности.*

Жанр литературной сказки, столь популярный в XIX веке, в русской литературе XVIII века лишь заявлял о себе, например, в творчестве Екатерины II, которая была не только российской императрицей, но и писательницей. К числу произведений, написанных ею для детей (в первую очередь, для своих внуков – наследников престола Александра и Константина), относятся «Начальная азбука с гражданским учением», «Выборные российские пословицы», «Разговоры и рассказы», «Записки касательно российской истории» и две сказки – «Сказка о царевиче Хлоре» и «Сказка о царевиче Февее».

Литературная деятельность Екатерины II в целом изучена крайне мало. Но если о ее публицистической и драматургической деятельности какое-то количество работ имеется (правда, надо отметить, что основная их часть написана еще в XIX веке [3, 13, 14, 16, 17, 18]), то собственно литературное творчество императрицы практически не привлекало внимание исследователей. Сочинения Екатерины II относятся к числу забытых как читателями, так и учеными. В лучшем случае о них вскользь упоминается в общих работах по литературе XVIII века. Сказки, написанные императрицей для детей, постигла та же участь [6, 7]. Думается, пора пересмотреть сложившееся стереотипное отношение, тем более что эти сказки явились первыми литературными сказками в России и хотя бы на этом основании заслуживают того, чтобы занять достойное место в истории русской литературы [11; 12].

Наиболее полное определение литературной сказки в современной науке дано Л. Ю. Брауде: «Литературная сказка – авторское художественно-прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение преимущественно

фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетобразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажи» [4, с. 6–7]. В энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Эфрона отмечается, что сказки – это произведения литературы, чаще прозаические, «частью объективно эпического содержания, частью с целью дидактической» [5, с. 534].

Сказки Екатерины «О царевиче Хлоре» и «О царевиче Февее» имеют назидательный характер, обычно завуалированный в аллегорических образах. Поэтому дидактический смысл их прочитывается только при понимании читателем определенных значений. Заметим, что аллегорические произведения – одна из примет классицизма, идеалом которого был человек разумный, а образцами культуры – античность и ее эстетические каноны. Аллегорическая сказка сродни басне или сказке о животных. За фантастическим сюжетом или образами прочитываются назидания, мораль, дидактика. Так и в сказках Екатерины: благодаря фантастическому вымыслу, жизненная правда выражается сильнее, чем если бы повествование велось без фантастики. Обе сказки – философские произведения (вроде вольтеровских), наделенные аллегориями, нравоучениями, спрятанными под фантастикой.

Сюжет и композиция в обеих сказках Екатерины II в определенной степени схожи с традиционными фольклорными сказками. Для волшебной сказки свойственно, что с первых слов в действие вводится семья, которая живет спокойно и счастливо и могла бы жить так очень долго, если бы не произошли маленькие, незаметные сначала события, которые вдруг, совершенно неожиданно, разражаются катастрофой. События иногда начинаются с того, что кто-нибудь из старших на время отлучается из дому. Так и в «Сказке о царевиче Хлоре»: «Царь и Царица жили согласно», но однажды вынуждены были покинуть дворец и оставить там маленького сына, приставив к нему «семерых нянь разумных и в детском воспитании искусных» [10, с. 118]. Этим создается почва для беды. В волшебных сказках, чтобы оградить детей от несчастья, родители часто запирают их или просто запрещают выходить из дому. В «Сказке о царевиче Хлоре» царь перед отъездом «город... велел укрепить стеною из дикаго камня» [10, с. 118].

Правда, надо сказать, что уже в начале повествования, наряду с традициями фольклорной сказки, можно заметить и отступления от нее. Так, Екатерина дает указание, что царь жил не где-то в неведомых землях (в тридевятом царстве), а называет конкретное место, где происходили события: «жил да был в России Царь» [10, с. 118], «в Сибири пребывание имел народ многочисленный, промышленный и богатый» [10, с. 126]. Также обозначается, хотя и примерно, время действия: «до времен Кия, князя Киевского». В начале каждой сказки автор сообщает о месте действия, о социальном облике героев, отходя от фольклорного принципа неопределенности места и времени. Это уже черты литературной сказки. Впоследствии в литературных сказках начала XIX века этот прием станет определяющим, например, в сказках «Городок в табакерке» В. Ф. Одоевского, «Черная курица, или Подземные жители» А. А. Погорельского, в

произведениях других писателей, где действие уже происходит в реально существующем месте и в исторически-конкретное время. А в дальнейшем станет традицией поселять героев сказок в обычную обстановку и среди обычных людей. Но новатором в таком сплетении фольклорных традиций и литературного начала в сказке для детей выступила Екатерина.

Так же, как и в первом тексте, в «Сказке о царевиче Февее» Екатерина II называет место действия совершенно точно – в Сибири. Причем в этом произведении Февей сам изъявляет желание покинуть отцовский дом, но ему не разрешают, и он слушается, а потому никакого наказания и не следует.

За запретом покидать дом и попытками предотвратить опасность в волшебной сказке неизменно следует нарушение запрета и похищение как наказание. В «Сказке о царевиче Хлоре» соблюдается эта сюжетная традиция: ребенок не слушается нянь, убегает от них и оказывается в плену у хитрого Хана. Однако в волшебных сказках подробно не говорится о чьем-то намерении похитить дитя, и тем более подобные планы не мотивируются. А в сказке Екатерины Хан сначала уговаривает нянь, пытается подкупить их подарками, а потом выкрадывает Хлора, причем не силой, а хитростью, нарядившись нищим, сыграв на любопытстве, доброте и наивности ребенка. К тому же поступок Хана получает объяснение: о способностях Хлора ходили слухи, «услышал о том какой-то Хан киргизской... полюбопытствовал видеть столь дивное дитя и, увидев, пожелал увести дитя с собой в степь» [10, с. 119].

Надо отметить, что Екатерина вообще часто объясняет поступки героев, например: царь уезжает из своего дворца, потому что «получил неприятное известие, что соседи его беспокойно живут, въезжают в его земли и разные обиды творят пограничным жителям»; царица поехала с царем, потому что «не любила быть с ним в разлуке»; няни отказались поехать с царевичем к Хану в степь, объясняя, «что им того без дозволения Царя делать нельзя, что они не имеют чести знать господина Хана и с царевичем не ездят к незнакомым людям в гости» [10, с. 119] и т.д.

В «Сказке о царевиче Февее» можно отметить то же самое, например, желание юного царевича уехать от родителей мотивируется тем, что он «стал скучать тихою, спокойною и одинакою жизнью отцовского дома, желал, чего сам не знал, хотел видеть пространный свет, что водится в иной стране; слышал заочно о многом, как бывает в той земле, в иной земле, при таком дворе...» [10, с. 130], царица же его «отпустить не хочет, что ей жить горько без него» [10, с. 130] и т.д. Думается, что стремление писательницы к мотивации поступков героев связано все с той же тягой к назиданию, дидактике, свойственной эстетике Просвещения. И даже более того, иногда автор делает некие обобщения, связанные с ее представлениями о воспитании, поведении людей, об их привычках и натуре. Например, о маленьком царевиче она пишет: «Хлор, как любопытное дитя, просился посмотреть нищего» [10, с. 119], – тем самым утверждая, что любопытство присуще всем детям вообще.

Еще одним расхождением с волшебными сказками является образ похитителя, антагониста главного героя. Обычно в фольклорных сказках таким героем-антагонистом выступает либо Кощей, либо Змей. Заметим, что

значение этих персонажей в славянских сказках тождественно: Кощей играет ту же роль скупого хранителя сокровищ и опасного похитителя красавиц и детей, что и Змей. Оба они равно враждебны сказочным героям и свободно заменяют друг друга, так что в одной и той же сказке в одном варианте действующим лицом выводится Змей, а в другом – Кощей [1, с. 121]. Иногда эти образы связывают с врагами Руси, которые на протяжении многих столетий мешали жить русским. В «Сказке о царевиче Хлоре» фантастический образ заменен на вполне реальный, «Хана киргизского». Кроме того, Хан не является воплощением низкого, злого и враждебного всему живому, он лишь человек, хотя и подверженный порокам. Фантастическое начало здесь весьма условно и приблизительно. Оно не развито до масштабов волшебной сказки. Возможно, это связано с приверженностью Екатерины II рассудку, здравому смыслу и нелюбви ко всякому вымыслу вообще.

Повествование максимально приближено к действительности, особенно в «Сказке о царевиче Февее», где фантастическое практически отсутствует. Возможно, это объясняется тем, что данное произведение предназначалось для старшего детского возраста читателей. Неслучайно Февею в сказке 15 лет, а возраст Хлора хотя и не указан, но он назван как дитя, новорожденный сын, следовательно, речь идет о маленьком ребенке. Заметим, что если наше предположение верно, то значит, что сказки Екатерины (вполне в духе современных нам требований к детской литературе) совмещают принципы поучительности, познавательности и занимательности, причем автором учитываются возрастные особенности предполагаемого читателя.

Герои сказок Екатерины II имеют не традиционно сказочные типовые имена (Иван-дурак, Марья-краса и т.п.), а всегда свои, личные – Хлор, Февей, Тау-ау Царь, Фелица, Катун, Решемысл и т.д., хотя одновременно с этим присутствуют и традиционные именованья персонажей: Царь, Царица. Думается, что таким образом Екатерина пытается создать типичные образы правителей, поэтому индивидуальные имена таким героям не нужны. При этом главные герои в сказках императрицы представляются разносторонними, наделенными разнообразными качествами характера людьми (это противоречит фольклорной традиции с ее общественно-психологической неразвернутостью характеристики героев). Второстепенные герои в сказках Екатерины нарисованы несколько односторонне, наделяются доминирующей чертой, заложенной в самом имени персонажа, что вполне соответствует духу эпохи классицизма. А также это отчасти соответствует и традиции фольклорной сказки, где имена персонажей часто указывают на их особенности: социальные, физические, возрастные, функциональные. М. Н. Морозова в статье «Антропонимия русских сказок» выделяет особый раздел, посвященный именам сказочных героев. Исследовательница пишет: «В качестве личных имен используются названия абстрактных понятий: Горе, Кривда, Правда, Кручина, Несчастье, Счастье; названия явлений природы: Буря, Ветер, Вихрь, Гром, Луна, Солнце; названия животных: Волк, Ворон, Орел, Сокол, Лиса, Медведь. Причем эти семантические группы имен постоянно связаны с соответствующими группами персонажей» [15, с. 234]. В этом отношении Екатерина вполне следует традиции, давая своим второстепенным героям имена Решемысл, Правда, Честность, Рассудок и

другие. Даже имя Фелица не противоречит общей закономерности, так как в переводе означает Счастье, а Февей – Красное Солнышко.

Существенным сюжетным отличием «Сказки о царевиче Хлоре» от фольклорной является то, что традиционно тот, кого похищают, сам не спасается и не выполняет каких бы то ни было заданий (можно вспомнить распространенный сюжет о похищении царевны, когда на ее поиски отправляется добрый молодец, она помогает ему советами, но сама освободиться не может). Хлор же, выполнив задание Хана, освобождается сам.

В «Сказке о царевиче Хлоре» присутствует (хотя и в измененном виде) один из самых распространенных в фольклорной сказке сюжетных ходов: посещение героем Бабы-яги. Её функцию выполняет здесь Фелица, дочь Хана, дающая царевичу в помощники своего сына Рассудка. Конечно, человека нельзя в полном смысле слова считать волшебным подарком, как в традиционных сказках, но мальчик именно эту функцию и выполняет. Причем это происходит по тем же причинам, что и в фольклоре: сама Фелица (как и Баба-яга) выступает стражем и не может покинуть свой пост ради героя. Она лишь на словах знакомит гостя с тем, с чем ему придется столкнуться в пути. Но ее советы жизненно необходимы для путника. Фелица не может пойти с Хлором, так как «Хан не только не позволил, но и запретил ей накрепко, чтоб не шла с дитятею искать розу без шипов, которая не колется» [10, с. 121]. Вместе с тем Фелица, подобно Бабе-яге в народных сказках, дает советы путнику, рассказывая заранее про препятствия, с которыми придется ему столкнуться в дороге: «Но я дам тебе совет добрый, пожалуй, не забудь... что я тебе скажу. <...> Отселе, в некотором расстоянии... как пойдешь искать розу без шипов... встретишься с людьми весьма приятного обхождения, кои стараться будут тебя уговорить идти с ними, покажут тебе веселий множество и что они-то провождают время в безсчетных забавах: не верь им, лгут, веселия их мнимыя и сопряжены со множеством сук. Засим приидут другие, кои о том же еще сильнее тебя просить будут: откажи им с твердостью, – отстанут. Потом войдешь в лес, тут найдешь льстивых людей, кои всячески стараться будут приятными разговорами отвести тебя от истинного пути, но ты не забудь, что тебе единой цветок... найти надлежит» [10, с. 121–122].

В образе Фелицы можно говорить лишь об отдельных элементах, сближающих его с Бабой-ягой в фольклорных сказках. Баба-яга – неоднозначный, может быть, самый сложный персонаж русского фольклора, в то время как Фелица в сказке Екатерины – однозначно положительный образ («ханша была нрава веселого и весьма любезна» [10, с. 121]) – и в этом ее основное отличие от фольклорного персонажа. Она помогает царевичу абсолютно бескорыстно, ничего не требуя взамен, потому что любит его, о чем сама и говорит: «Я люблю тебя, и для того я к тебе вышлю на встречу сына моего, и он поможет тебе найти розу без шипов, что не колется» [10, с. 122].

Волшебный помощник в фольклорных сказках содействует герою в пути, помогая преодолеть препятствия. Эту функцию в сказке Екатерины выполняет сын Фелицы Рассудок. Интересно, что он, как и положено, лишь советует Хлору, но не останавливает его, не заставляет делать по-своему, предоставляя герою право выбора.

Следующим интересным сюжетным ходом в «Сказке о царевиче Хлоре» является мотив выбора дороги (традиционный и для фольклора): «Тут увидел Хлор перед собою множество дорог: иная прямолежачая, иная с кривизнами, иные перепутанныя...» [10, с. 122]. Отметим, что мотив выбора пути как образа жизни характерен и для Библии, и для Домостроя, причем традиции последнего находят место в сказках Екатерины II – те статьи исторического документа, которые посвящены воспитанию («...подобает чтити и повиноватися ему (родителю – **О. К.**) во всем» [9, с. 31]). Примеры беспрекословного повиновения старшим в избытке встречаются в сказках Екатерины, особенно в «Сказке о царевиче Февее».

Традиционным для фольклора является и мотив преграды, встречающейся на пути героя. В «Сказке о царевиче Хлоре» помешать герою достичь своей цели должны люди, проводящие время в беззаботном веселье, затем Лентяг-мурза, и наконец, «пьяношатающиеся» люди. В «Сказке о царевиче Февее» герою тоже приходится преодолевать препятствия, проходить испытания, чтобы доказать отцу, что «послушен ..., в душе имеет твердости, в несчастьи терпения, в счастии умеренности, что он непрерывно смел и щедр, великодушен и кроток» [10, с. 131]. И в обеих сказках каждому из царевичей в соответствии с фольклорной традицией приходится пройти три испытания, три препятствия миновать. Концовка «Сказки о царевиче Хлоре», в отличие от более литературной «Сказки о царевиче Февее», соответствует традиционной: «Здесь сказка кончится, а кто больше знает, тот другую скажет» [10, с. 126].

Подводя итоги, заметим, что долгое время в фольклористике господствовало мнение о враждебности просветителей по отношению к фольклору. Мотивировалось это тем, что в понимании просветителей произведения народного творчества «неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками <...> Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение» [2, с. 46]. Думается, что это представление является легендой, которая противоречит фактам. Она родилась на почве отвлеченного абстрактного изучения идеологии Просвещения, тенденциозного и одностороннего подчеркивания ее рационализма, канонизации и распространения точки зрения того или иного просветителя на идеологию Просвещения в целом. На это обратил внимание В. Е. Гусев, писавший: «Известно также, что некоторые из просветителей заодно с критикой народных суеверий отрицали и народную поэзию, предпочитая ей искусство "цивилизованного" общества (Вольтер, Тюрго, Гельвеций). Однако если критическое

отношение некоторых просветителей к фольклору постоянно подчеркивается исследователями, то горячая симпатия целого ряда деятелей Просвещения к творчеству народных масс, в сущности, замалчивается, что приводит сплошь и рядом к односторонним характеристикам просветительского фольклоризма» [8, с. 46]. Условием плодотворного изучения проблемы является рассмотрение реального отношения просветителей к народному творчеству, их стремления разгадать национальный русский характер. В этом отношении следует отметить, что Екатерина II, пытавшаяся понять свой народ, кроме прочего изучала русский фольклор, хотела вникнуть в специфику русской культуры и понять русский национальный характер. Интересно, что когда Д. Фонвизин задал Екатерине II вопрос, «в чем состоит наш национальный характер», услышал в ответ: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании» [17, с. 116]. При этом некоторые современные исследователи предвзято оценивают как деятельность императрицы в целом, так и приведенные здесь слова. Например, можно услышать, что «Екатерина II, определяя национальный характер, подчеркивала угодные самодержавию его черты – образцовое послушание, смирение. Просветители, опираясь на историю, выдвигали иное понимание национального характера – вольнолюбие, твердость, мятежность» [19, с. 36]. Думается, что более объективному восприятию в данном случае способствует анализ произведений императрицы-писательницы, которая стремилась в своих внуках, наследниках престола, развить «острое и скорое понятие всего и образцовое послушание» [17, с. 116]. Ее сказки для детей демонстрируют знание традиций Домостроя и фольклора, которые она своеобразно перерабатывает, переплавляет с идеями Просвещения. В итоге рождаются вполне оригинальные литературные произведения.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Русская народная сказка [Текст] / В. П. Аникин. – М. : Просвещение, 1977. – 207 с.
2. Азадовский, М. К. История русской фольклористики [Текст] / М. К. Азадовский. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 406 с.
3. Бессонов, П. О влиянии народного творчества на драмы императрицы Екатерины и о цельных русских песнях, сюда вставленных [Текст] / П. О. Бессонов // Заря. – 1870. – № 4. – С. 1–19.
4. Брауде, Л. Д. Скандинавская литературная сказка [Текст] / Л. Д. Брауде. – М. : Наука, 1979. – 208 с.
5. Брокгауз, Ф., Эфрон, И. Энциклопедический словарь [Текст] / Ф. Брокгауз, И. Эфрон. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 672 с.
6. Былинин, В. К., Одесский, М. П. Екатерина II. Человек, государственный деятель, писатель [Текст] / В. К. Былинин, М. П. Одесский // Екатерина II. Сочинения. М. : Современник, 1990. – С. 3–21.
7. Герлован, О. К. Екатерина II, императрица. Сказка о царевиче Хлоре [Текст] / О. К. Герлован // Русская словесность. – 1994. – № 2. – С. 11–17.
8. Гусев, В. Е. Проблемы фольклора в истории эстетики [Текст] / В. Е. Гусев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 203 с.

9. Домострой [Текст]. – М. : Худож. литература, 1991. – 319 с.
10. Екатерина II. Сочинения [Текст] / Екатерина II. – М. : Современник, 1990. – 557 с.
11. Карандашова, О. С. Взгляды Екатерины II на воспитание в сказках для детей [Текст] / О. С. Карандашова // Детская литература и воспитание. Тверь : ТвГУ, 2004. – С. 113–118.
12. Карандашова, О. С. Идеи Просвещения в сказках Екатерины II для детей («Сказка о царевиче Хлоре», «Сказка о царевиче Февее») [Текст] / О. С. Карандашова // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. – 2005. – № 7 (13). – Вып. 3. – С. 4–11.
13. Лебедев, В. С. Шекспир в переделках Екатерины II [Текст] / В. С. Лебедев // Русский вестник. – 1878. – № 3. – С. 5–19.
14. Лонгинов, М. Драматические сочинения Екатерины II [Текст] / М. Логинов. – М. : [б.и.], 1857. – 27 с.
15. Морозова, М. Н. Антропонимия русских народных сказок [Текст] / М. Н. Морозова // Фольклор. Поэтическая система. – М. : Наука, 1977. – С. 231–240.
16. Пекарский, П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II [Текст] / П. Пекарский. – СПб. : Императорская академия наук, 1863. – 96 с.
17. Собеседник любителей российского слова [Текст]. – СПб: Императорская академия наук, 1783. – Ч. III. – 185 с.
18. Шумигорский, Е. С. Очерки из русской истории. Императрица-публицист [Текст] / Е. С. Шумигорский. – СПб. : Паровая книгопечатня П. О. Яблонского, 1887. – 68 с.
19. Макогоненко, Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе [Текст] // XVIII век. Сборник 13. – Л. : Наука, 1981. – 292 с. – С. 3–65.

FOLK TRADITIONS AND LITERARY FEATURES OF CATHERINE II IN FAIRY TALES FOR CHILDREN

O. S. Karandashova

Tver State University

The department of the history of russian literature

Catherine II is best known as the Empress of Russia was also an authoress. She is the author of plays, articles, stories, memoirs, works on history and linguistics. This article analyses ratio the relation of folk traditions, which found reflection of in tales Catherine II, and features literary story in "The Tale of Tsarevich Chlorine" and "The Tale of Tsarevich Fevee" as the first in the history of Russian literature a literary fairy tales.

Keywords: *Russian literature of the XVIII century, Catherine II, the literary fairy tale, piece of art for children, folk traditions, literary features.*

Об авторах:

КАРАНДАШОВА Ольга Святославовна – кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: novak1@mail.ru